

ГАЛА ГАРДА

КАПКАН ФЕРРА

16+

Гала Гарда Капкан Ферра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51851462

SelfPub; 2020

Аннотация

Собственный дом на лазурном берегу Франции, любящий богатый муж, милые дети – что еще надо женщине для счастья? Но главная героиня Виктория, в прошлом успешный искусствовед, имея все бонусы от жизни, но не испытывая радости, вдруг в один миг теряет все. По пути борьбы за свой образ жизни ей придется понять истину о себе, муже и открыть страшную тайну.

Глава 1

Я смотрела на блики моря сквозь пузырьки шампанского. Свет преломлялся на грани бокала и разливался на тысячи тончайших оттенков. Новые цвета, еле уловимые человеческим глазом, образовывались в моем бокале. И в который уже раз за последние четыре года я лениво размышляла, что могла бы получиться интересная картина. В душе вяло встрепенулось желание подняться с шезлонга, чтобы найти кисти и краски. Но алкоголь снова убедил сознание ничего не делать, мол, и так хорошо. И вечный вопрос – зачем, растворяли легкий бриз, ласковое солнце и шампанское. Я погрузилась в дремоту. Не сказать, что приятную. Что-то такое мерзкое, отдаленно напоминающее чувство вины, шептало мне: я должна встать и что-то сделать. Оно мешало моему покою.

Когда же это началось? Почему сейчас, когда я стала абсолютно счастливой женщиной, в шаблонном понимании счастья, и достигла всего, чего хотела, и того, о чем мечтают миллионы женщин, мне хочется выть?

Я живу в роскошном доме в самом красивом месте Лазурного берега Кап Ферра, у меня двое прекрасных детей, близнецы – мальчик и девочка, мой муж неприлично богат, даже не стар и умен. У меня полная свобода, неограниченный счет в банке, куча профессиональной прислуги, гувернеров, репетиторов для детей. Что еще надо женщине для счастья? Да, мой муж редко бывает с нами. Это правда. Его

главные офисы находятся в Москве и Лондоне, он навещает нас время от времени. Но мы часто говорим по телефону, у нас отличные отношения. И по правде говоря, мы не сильно нуждаемся в ежесекундном общении друг друга.

Я вышла замуж достаточно взрослой – в 34 года, моему будущему мужу на тот момент было 45. Я моталась по миру, имела интересную работу, знакомства и сама неплохо зарабатывала. Когда Михаил обратился ко мне с просьбой оценить его коллекцию картин, я и не смотрела на него как на завидного жениха. Давно работая с такими людьми, я имела определенное мнение об их специфическом мире и, по правде говоря, не особо стремилась принадлежать ему. Я любила свое пространство. Получая хорошие комиссионные за составление коллекций картин и других произведений искусств для богатых наших и не наших соотечественников, я давно усвоила их правила и знала свое место. У меня не было ни зависти, ни желания войти в этот мир. Хотя для многих он казался чем-то особенным, я видела как и грязь, так и светлое в нем. И по большому счету он ничем не отличался от страстей, разыгрываемых в какой-нибудь захудалой деревне или заштатном городке любого конца земли. Люди есть люди. Те же страхи и глупости. Различие в деталях, оттенках и деньгах...

Кирпичик за кирпичиком я строила свой мир... Тогда я еще рисовала... много и увлеченно, не мечтая о славе, не стремилась продать свои картины. Я просто их любила. И

редкие моменты, проведенные за мольбертом на природе или дома, были самыми счастливыми для меня. Я мечтала заработать деньги и открыть студию живописи, где буду обучать детей выражать свою вселенную с помощью красок. Тогда я знала, как это делать. И знала, что это – мой дар, дар обучать.

Я привстала с шезлонга и сама налила себе шампанского. Мой персонал с некоторых пор стали нагло всем своим видом показывать свое отношение ко мне! Вернее, к моей любви к шампанскому! Как они смеют!

Так, ладно, о чем это я? Ах, да, о слугах... нет... пошли они... нет... А! Вспомнила! Я пыталась вспомнить, когда вдруг перестала рисовать... Я рисовала, когда была беременной... да, конечно же! Михаил привез меня в новый дом на Кап Ферра, когда я дохаживала последние месяцы. Я должна была родить в лучшей клинике Монако, провести несколько месяцев с малышами на Кап Ферра и потом вернуться в Москву или Лондон, чтобы продолжать работать с Михаилом и растить детей рядом с ним. Малыши родились здоровыми и спокойными. Через три месяца мы переехали в Москву, и там они заболели. Оба. Очень тяжело и надолго. Мы вернулись во Францию, и дети быстро пошли на поправку. Мы поехали в Лондон к папе, и все повторилось. Тогда я и перестала рисовать. Дети болели везде, кроме как на Лазурном берегу. Тем более подходило время принимать решение, где им учиться. Конечно же, или в Монако, или в Ницце, пока

они маленькие, а уж потом, лет с 11, когда они окрепнут, можно перебраться и в Лондон.

Вот так мы и живем...

Скука... Смертельная скука... Я с ненавистью смотрела на море, пальмы... Они разрушали меня, но я уже не хотела ничего... я не хотела бороться. Или что-то менять. Зачем? Смешно сказала – бороться? С чем?

Я прикончила бутылку к обеду и размышляла, что надо напрячься и сходить на кухню за новой. Но вряд ли она там есть. Прислуга делает вид, что забывает остудить шампанское. И теперь надо тащиться в погреб... Скоро подадут обед. И тогда я выпью белого вина... потом посплю и, может, к вечеру смогаюсь в Монако. Надо посмотреть новую коллекцию «Шанель»... Скука... мне не нужна «Шанель»... мне надо найти повод встать... За книгой... бутылкой... красками... Надо встать... не хочу... потом... Тяжелая и липкая дремота надавила на глаза и погрузила мозг в тягучий сумрак.

И тут зазвонил мой мобильник. Московский номер Мишиной секретарши ... Я нехотя нажала кнопку.

– Викусик! – Вечно радостный голос Маши вырвал меня из вялой дремы.

– Привет! Я только что в Нище села, Михаил Иванович меня на недельку отпустил! Велел тебя навестить! Сказал, что могу у вас остаться! Я сейчас приеду! Жди! – и она бросила трубку.

Я разом протрезвела. С ума сойти! Не спрашивая меня, мой муж присылает мне свою секретаршу, и еще она останется в моем доме! Разозлившись, я набрала номер мужа. Но он был вне зоны доступа сети. Ах! как ему повезло! Правда! Я была очень зла!

Конечно же, Мария не была простой секретаршей. Она работала с Михаилом уже лет 25. С самого начала. Была ему предана, как собака, могла разорвать каждого, кто зайдет на его территорию или нарушит его покой. В московском офисе ее боялись все. Она управляла секретарями, запросто могла высказать свое мнение финансовым директорам, юристам и начальникам службы безопасности. Муж Марии был также больше 25 лет личным и бессменным водителем Михаила. Я могла поверить, что Михаил специально сейчас заслал Машу ко мне. Наверное, кто-то из прислуги или управляющий настучали ему обо мне, мол, у меня проблемы с алкоголем. Гадкие людишки! Конечно, когда он приезжал, я старалась контролировать, немного... но... если честно, я понимала, что медленно спиваюсь... Проблема была только в том, что мне было абсолютно плевать на это... Ничего не изменить. И никто не изменит меня, даже я сама.

Мне пришлось встать, сходить в душ и выпить термоядерный кофе, чтобы не дать Маше повода увидеть мои слабости. Злость все же отрезвила меня – это хорошо. Хотя скучно. Сразу становится еще тоскливее...

Маша ворвалась в мой болото-рай, как и обещала, через

минут сорок.

Она была высокой, статной бабой, около 45 лет. Чуть пошловатая блондинка с высокой грудью. Я догадываюсь, в молодости она пользовалась успехом у мужчин. Но она рано вышла замуж и и до сих пор обожала своего мужа. В Машинной жизни было всего три мужчины, перед которыми она становилась кроткой и смиренной: ее муж Саша, сын Сергей и мой муж, ее бессменный начальник. Я, честно говоря, когда только начала работать на Михаила, думала, что она его любовница. И однажды прямо спросила ее об этом. Мы были «как бы подругами», то есть она так думала тогда, когда между мной и Михаилом были исключительно рабочие отношения. Маша на мой вопрос только всплеснула руками:

– Ты с ума сошла! Я своего мужа люблю! А на Михаила Ивановича я просто молюсь! Если бы он не взял меня на работу, молодую дуру из деревни, которая ничего не умела и не знала, где бы я была?! Сашка, когда начал у Михаила Ивановича служить, попросил устроить на работу и меня. А я ничегошеньки не умела! Михаил Иванович мне сначала курсы секретарей оплатил, потом в институт убедил поступить, репетиторов нанял! После декрета вновь на работу взял! С повышением! Он столько для нашей семьи сделал! Да я убью за него! Когда Сереженька заболел, он операцию в Германии оплатил! Дуры вы! Ничего не понимаете! – обиделась Маша, и я ей поверила. Позже, узнав Михаила ближе, я поняла, что Маша была не в его вкусе вообще, и забыла об этой теме.

Теперь верная помощница мужа приехала следить за мной...

Ну что, хоть какое-то разнообразие, – вздохнула я и пошла встречать Машу, предварительно натянув улыбку и широко раскрыв объятия.

– Вот черт! Как у вас шикарно, Викусик! – завизжала Маша, и я поняла, что без бутылки эти дни не продержусь. Она же утомит меня сплетнями, походами по магазинам и прочей чушью.

Я распорядилась, чтобы Машке показали ее комнату, дала указания насчет обеда, особенно подчеркнув, что надо подать бутылку розе, и снова попробовала позвонить Михаилу. Телефон был отключен. Я решила позвонить его водителю, мужу Маши. То же самое... Странно... Если Миша может быть, например, на переговорах или в полете, то почему телефон водителя не работает? Надо спросить Машу.

За обедом Маша без остановки болтала о новостях, сплетнях и общих знакомых, мало пила, и я заметила, что она внимательно наблюдает, сколько выпила я. Засланный казачок стерва, – злилась я про себя, но продолжала улыбаться и делать вид, что меня интересуют все эти люди – Милка из бухгалтерии, Антонина Степановна из юридического и прочие, ничего не значащие в моей жизни люди. Но одна фраза заставила меня очнуться.

– Так она мне не нравится, эта Даша! Я ее сразу не полюбила! Конечно же, все от нее в полном восторге, даже Ми-

хаил Иванович вдруг стал следовать ее советам. Я понимаю, вегетарианство, йога, вечная улыбка, такая вся нежная, добрая... аж тошнит от умиления, – скривилась Машка. – Ее все, все обожают!

– Кого? – переспросила я.

– Дашку! – удивилась Маша. – Ты что, не слушала? Я же тебе говорю: восемь месяцев назад пришла такая мышка серая. Молодая, наивная с виду... ни рожи, ни кожи. Глаза огромные только, и улыбается все время, как полоумная, аж бесит меня! Сидит такой мышонок, на звонки отвечает. На Мишу глаза поднимет и, как Настенька из «Морозко» (помнишь фильм старый?) так нежненько пропищит: «Да, Михаил Иванович». Он и тает. Смотрю тут, раз остановился у ее рабочего стола, спросил что-то. Она про йогу, про то, что на практики в Индию ездит, захлеб рассказывает... И представляешь! Начал тоже на йогу ходить! Она его в свою студию привела!

– Кого? – не поняла я.

Машка внимательно посмотрела на меня, отложила в сторону вилку:

– Ты вообще в курсе, чем твой муж живет? Ты давно его видела?

Я тупо пялилась на Машу, упорно пытаюсь вспомнить, когда приезжал Михаил. Кажется, недели две назад. Да, он тогда взял детей, и они поехали на яхте друзей. Я осталась дома. Меня укачивало всегда на море... Он вернулся и прак-

тически сразу уехал в Лондон. Я только рада была...

– Вик, – как-то вдруг серьезно заговорила Маша, – ты меня прости конечно, не мое это дело, но что-то не так в вашей семье.

– Ах! Маша! Оставь! – разозлилась я. – Я столько раз слышала эту песню о главном! Надо жить с мужем, чтобы не увели! Он не конь, чтобы его увести! Он взрослый мужик пятидесяти лет! У него главный интерес – работа! Какая Настенька?! Какая йога?!

– Дашенька, – поправила меня Маша.

– Один черт! – я налила себе остатки вина из бутылки и залпом выпила. – Ему дорого со мной разводиться. Побалуется, и пройдет!

– Зря ты так, – тихо продолжала Маша. – Раз уж мы затронули эту тему, то я знаю твоего мужа дольше, чем ты.

Я долго смотрела на волны, что в ритме тай-чи медленно двигались по направлению к берегу, но по пути растворялись в других волнах, поддерживая единое дыхание моря.

Есть темы, которые ты боишься трогать. Нет смысла. Сковырнешь – а там гной. Или еще хуже – бездонная, бесконечная обреченность и пустота.

Что такое мой брак? Я не знаю... и не хочу знать... Да, кстати...

– Маш, – я хотела еще выпить, но бутылка закончилась, и только Машин бокал дразнил меня своей наполненностью. Я жадно глотнула холодной, газированной воды и почувство-

вала облегчение, но ненадолго.

– А ты не знаешь, где Миша сейчас? Я ему звоню все утро, трубку не берет.

– В Лондоне три дня был. – Маша подняла глаза к небу, что-то вспоминая. – Да, точно. Сегодня уже должен был вернуться. Мне Сашка говорил, когда меня утром в аэропорт отвозил, что, мол, два раза за день придется тащиться по пробкам в Шерему. Еще размышлял, может, остаться на стоянке, поспать и Михаила Ивановича подождать.

Маша глянула на часы:

– Уже вообще-то он должен был Михаила встретить. Позвони снова.

Я набрала номер мужа, но в ответ – тишина.

Маш схватила свой телефон.

– Странно, у Сашки тоже номер недоступен. Ничего не понимаю.

Она задумалась на миг, потом потянулась как довольная кошка, блаженно улыбнулась:

– Вот какая ты, Викуля, счастливая баба! Живешь в раю, муж – просто бог, детки славные! За один раз отстрелялась – мальчик и девочка!

Я посмотрела с ухмылкой на Машу и поняла, что уж ей я точно ничего объяснять не буду. Ни откровения мой души, ни мои жалобы она не услышит.

– Давай, Машка, собирайся! Поедем в Монако кутить, деньги тратить и жизнью наслаждаться, раз уж приехала ко

мне!

Маша завизжала и босиком, радостно подпрыгивая, побегала к дому по моему идеальному газону.

Остаток дня мы таскались по городу, не пропуская ни одного бутика. Я скупала Маше всякий фирменный хлам, и она закрывала глаза на мои заходы в кафе, где я пропускала по бокальчику шампанского.

Уставшие, я – пьяная, Машка – довольная, мы к позднему вечеру добрались до дома.

Я приняла душ, поцеловала спящих детей, выслушала отчет гувернантки мадам Лилу (мадам Жужу, как про себя называла ее я) о поведении детей. И пошла в спальню. Уже в постели, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шуму волн, я обратилась к давно забытому мною ангелу-хранителю и прошептала:

– Помоги... Я гибну... Дай мне силы и укажи путь... – И провалилась в тяжелый липкий сон.

Глава 2

Окно с шумом распахнулось, и резкий порыв ветра задрал шелковые тюли до самого потолка. Гром и молнии на миг осветили темную комнату. Сознание со свистом вернулось в тело, и в ужасе я подскочила на кровати. Волосы мои зашевелились от страха. Ветер завывал, косой дождь бил в стекла, шторы развевались и пытались сорваться с петель, и во всей этой увертюре жуткой ночи зазвучала главная тема: на пороге моей спальни стояла женщина. В белом одеянии до пола.

Волосы ее, длинные и спутавшиеся, свисали вдоль бледного лица, огромные глаза смотрели на меня, не мигая, и рот ее был раскрыт в немом крике.

Закричала я. Женщина вздрогнула и метнулась ко мне. Я уже визжала, и била от страха ногами по постели, размахивала вокруг себя руками.

– Вика! Вика! – Маша бросилась на меня, схватила в свои по-деревенски сильные объятия и крепко сжала.

– Машка! Дура! Ты зачем пугаешь! – заорала я .

Маша вдруг, прижавшись ко мне еще крепче, уткнулась в мое плечо и зарыдала.

Я некоторое время в недоумении молчала, но потом все же спросила :

– Маш, ты чего?

Маша отстранилась от меня, и, как мне показалось на мгновение, ненависть и злоба промелькнули в ее глазах. Она с отчаянием произнесла, подвывая на каждом звуке:

– Горе, Вкусик! Горе у нас! – Она схватилась за грудь и, по-бабски рыдая, упала рядом со мной на кровать.

– Маш, что случилось-то? – ничего не понимая и раздражаясь от воя Машки, спросила снова я.

– Сааааша! Сашенька мой!

– Что?! Да скажи ты, наконец! – уже орала я.

– Сашенька мой! Жививо! Сгорел! Мишенька! Мишенька! Родненький! – металась по постели Маша. Сердце мое упало. Миша?! Что с Мишей?!

– Миша?! С Мишей ЧТО?!!

Машка продолжала рыдать, выть и метаться. ничего вразумительного она не могла сказать. Я вскочила с постели, подлетела к столику у окна, выбросила цветы из вазы и вылила всю холодную воду на Машу. Она вмиг затихла, удивленно посмотрела на меня и протянула телефон. Я оглянулась на свой телефон, схватила его и увидела семь пропущенных звонков от Юрия Николаевича – начальника службы охраны, несколько – от Николая, главного партнера моего мужа, и ледяная лапища страха сжала душу.

Я нажала на номер Юрия Николаевича. Он ответил с первого гудка.

– Виктория Владимировна... – голос его задрожал. Он замолчал, и в мертвой тишине слышен был только стук его или моего сердца. – Вика... Произошло страшное несчастье... Михаил Иванович...

– Юрий Николаевич! Продолжайте! – заорала я. Неизбежная лавина горя уже неслась на меня. Осталось только стоять и смотреть на нее. Бежать было некуда и поздно.

Начальник охраны сделал громкий вздох, и по-военному, строго доложил:

– Сегодня днем, в районе пяти часов дня по московскому времени, Михаил Иванович и его личный водитель – Александр Шуриков, двигаясь на скорости около 180 км в час по Минскому шоссе в районе 67 км, попали в аварию, столкнувшись с автомашиной, перевозящей топливо. Машина с

водителем и пассажиром моментально загорелась...

Я в шоке стояла перед окном спальни и только сейчас заметила, что ураган закончился и в моем ненавистном раю опять наступили давящая тишина и омерзительный лживый покой.

– Вика?

– Да, Юрий Николаевич, – еле слышно произнесла я.

– Вика... Они сгорели моментально. Это ужасно... От них ничего не осталось...

Я смотрела на лунную дорожку сквозь чуть раскачивающиеся листья пальмы, вдыхала запах моря, чувствовала, как мою кожу ласкает легкий бриз, и понимала, что схожу с ума. Мир рушился на глазах. Жуткие противоречия разбивали в прах мироустройство, всякие ценности, логику и смысл существования. Словно наблюдаешь, как рушатся Помпеи под музыку из «Лунтика», любимого мультика моих малышек.

Я выключила телефон, посмотрела на мокрую, рыдающую Машу, валяющуюся на моей постели, и сказала:

– Собирайся. Мы вылетаем первым же рейсом.

Часть ночи и утра прошла для меня в четком ритме. Я звонила в авиакомпанию, сама покупала билеты, давала указания мадам Лилу следить за детьми, Оксане, няне, что кормила и мыла малышек, – следить за мадам Лилу. Управляющему – следить за всеми и докладывать мне по почте два раза в день. Маша сидела в своей комнате. Она где-то разыскала бутылку водки и к моменту, когда надо было уже выхо-

дить из дома и ехать в аэропорт, была смертельно пьяна. Я посмотрела на нее и спросила:

– Маша, тебе надо прийти в себя.

Пьяная, вмиг постаревшая баба зло подняла на меня красные и опухшие от слез глаза и, еле волоча язык, произнесла:

– Это все из-за тебя, сука... – упала на пол и громко захрапела.

Я дала распоряжение управляющему вызвать врача, и, как только Маша очнется, купить ей билет и больше не давать пить.

Глава 3

Шесть лет... Шесть лет пронеслись как один миг, как сон. Начинаясь этот сон как волшебная сказка, а закончился – трагедией.

Я пыталась вспомнить лицо своего мужа и с ужасом осознала, что в голове всплывают лишь застывшие фото. Фото из журналов, газет, интернета. Но я не помню его живым! Не помню его глаз, когда он смотрел на меня или на детей!

Волна жуткой вины задушила меня, и я разревелась. Стюардесса первого класса с тревогой посмотрела на меня:

– Я могу вам чем-то помочь?

Я только замотала головой, стараясь сдержать рыдания, отвернулась к окну и прикрыла глаза.

Каким он был – мой муж? Что я знала о нем?

Я помню точно, что с первой минуты попала под его обаяние. Нет, я не влюбилась в него, и он не ухаживал за мной,

не заигрывал. Мне интересно было наблюдать за ним и за собой, когда мы оказывались вместе. Это случалось не так часто. Михаил предложил мне интересный проект, и я должна была заработать хорошие деньги на нем. По моему плану уже через год благодаря тому, что я много работала и хорошо зарабатывала, я могла бы открыть школу рисования в Питере, городе моего детства, где до сих пор жили мои родители. Я была близка к своей мечте, и, по правде говоря, в мои планы не входил роман с олигархом.

Я вдруг вспомнила его взгляд – умный и глубокий. Его голос. Тихий и всегда спокойный, его улыбку – добрую со мной и детьми. Он умел слушать так, как никто другой. Он смотрел на собеседника, не перебивал, и что-то в его глазах, выражении его лица было такое, что заставляло рассказывать все-все... Словно на исповеди.

Я уже работала на Михаила месяца три, но большую часть времени, много времени проводила на аукционах Европы. Однажды, накануне Нового года, он позвонил мне лично и попросил поехать в его новое шале в Куршавеле, чтобы посмотреть, как развешаны картины, может, что-то докупить или, наоборот, убрать. Его не совсем устраивало то, что было подобрано дизайнерами и моим предшественником. На тот момент в шале постоянно жили только повар и прислуга, и Михаил Иванович сказал, что я могу остаться там и на праздники, если пожелаю. Сам он собирался поехать на охоту куда-то в Африку.

Я с радостью согласилась. Во-первых, работа хорошо оплачивалась, мне был предоставлен практически неограниченный (но разумный) бюджет на покупку деталей интерьера и живописи в шале. И как бонус, я могла провести праздники в шикарном месте, не тратя на это ни копейки. А это было очень важно для меня. Чем ближе я была к заветной сумме, чтобы открыть школу и работать только на себя, тем экономнее я становилась.

Время во Французских Альпах прошло быстро, я моталась по блошиным рынкам, антикварным магазинам, удачно купила несколько картин. Как-то вечером, все развесив и расставив по своим местам, довольная собой я бродила с бокалом красного вина по пустому дому и любовалась своим трудом. Настроение было прекрасным. Завтра начиналось католическое Рождество, и я планировала покататься на лыжах, порисовать и просто получить удовольствие от жизни за счет работодателя. Прислуга ушла, повар наготовил еды на роту солдат, и, сидя у камина с бокалом вина и книгой, я просто мурлыкала от удовольствия.

Я, наверное, задремала, но когда очнулась, то вскрикнула от испуга. Рядом с камином стоял мужчина и внимательно рассматривал меня.

– Боже! Михаил Иванович! Как вы напугали меня! – я выскочила из уютного кресла и задела бутылку с вином. Красная жидкость медленно расплзлась по светлому персидскому ковру, и я уже представляла, что весь мой гонорар уй-

дет на оплату этой дорогушей вещи. Я стремительно рванула мимо Михаила на нижний этаж в хозяйственное помещение в поисках средства, которое могло бы спасти ковер.

– Вика! Вика! Стойте!

– Михаил Иванович! Простите! Я сейчас вернусь!

Разворотив пол подсобки, я, наконец, нашла что-то похожее на пятновыводитель для ковров и побежала обратно.

Михаил сидел перед пятном и спокойно впитывал жидкость белыми салфетками.

– Вот и все! – спокойно посмотрел он на меня и улыбнулся.

– Как все? – удивилась я и подошла к пятну. И вправду – нам месте красного винного пятна осталось чуть заметное светлое.

– Как это так? – удивилась я .

– Вика, пожалуйста, не волнуйтесь вы так из-за ковра! Просто я моментально собрал вино, оно еще не успело впитаться, и, наверное, ковер все же немного обработан какой-то противогрязевой или водоотталкивающей химией, и, пожалуйста, давайте не говорить больше о такой ерунде!

Я молча смотрела на него и не понимала, что же теперь делать, куда ехать, что говорить. Отдых мой накрывался. Видимо, у него поменялись планы и с минуты на минуту нагрянут его друзья или подруги.

– Вика, я пойду приму душ. Жан ушел уже? И все ушли?

– Да, вся прислуга и повар ушли...

– Ну тогда пойдем в ресторан, – вздохнул Михаил. И я поняла, что никуда он идти не хочет.

– Михаил Иванович! Жан приготовил очень много еды! Давайте я накрою вам на стол? На скольких персон накрыть? Вы кого-то ждете вечером?

Михаил внимательно посмотрел на меня, явно что-то обдумывая:

– Я приехал один, Виктория. Поездка в Африку отменилась... Я не хотел бы вас утруждать...

Я замотала головой, что, мол, нет, нет, для меня это не сложно...

– Давайте сделаем так, Виктория, – принял решение Михаил. – Я приму душ и помогу вам накрыть на стол. Мы вместе поужинаем, а потом вы покажете мне свою работу. Договорились?

Конечно же, это не был вопрос, это было его решение, но против этого плана я не возражала.

Честно, в тот момент я даже и предположить не могла, что между нами могло что-нибудь произойти. Правда! Конечно же, он был привлекательным мужчиной, а я свободной женщиной. Но мы держались в рамках деловых отношений, и я всегда чувствовала, что он совершенно мной не интересовался как женщиной.

Сейчас я вспоминала тот вечер как самый счастливый момент моей короткой жизни с Мишей. Я тоже успела принять душ и переодеться в свежие джинсы и свитер. Я не исполь-

зовала косметику, просто собрала волосы в хвост и пошла на кухню, чтобы понять, чем накормить начальника. Он уже по-деловому хлопотал у плиты, и когда я в растерянности остановилась на пороге, он взглянул на меня и весело командовал:

– Вика, я тут уже разобрался, что нам приготовил Жак, давайте, накрывайте на стол!

Дружно мы разогрели ужин, накрыли на стол, Михаил достал из погреба бутылку изысканного красного вина. Я чувствовала немного скованно себя в начале ужина, но Михаил оказался остроумным собеседником. Он умело вел беседу, словно мы не начальник и подчиненный, а давние добрые друзья. Он расспрашивал меня о моей жизни, где я была, что видела, чем увлекалась. Я немного смутилась, вскользь коснувшись моей мечты, и быстро перевела разговор.

– Михаил Иванович...

– Вика, давайте просто Михаил! – улыбнулся он. Потом внимательно посмотрел на меня, налил еще немного вина: – Но на «ты» мы не переходим, вам так не комфортно, верно?

Я с благодарностью посмотрела на него и попыталась рассказать, на мой взгляд, остроумную историю... Потом запуталась в концовке, потеряла смысл и вконец расстроилась, почувствовав, что тонкая нить, что протянулась между нами, обрывается из-за моей неуклюжести.

– Вика, – вдруг мягко остановил мои глупые оправдания Михаил, – Вика, я же не успел посмотреть на вашу работу!

Берите бокал, и идем!

Я с облегчением вздохнула и повела Михаила за собой. Здесь я чувствовала себя уверенно. Мне нравилось, что я сделала, мне казалось, что я поняла вкус и настроение хозяйина дома. Он задавал вопросы, внимательно слушал мои пояснения, комментировал каждую деталь и картину, и я подтвердила свою догадку, насколько у него обширные знания и вкус. Я не волновалась за свою работу, я была в ней уверена... Почти... Было одно место в спальне. Я долго ломала голову, какую картину повесить в комнате, где была его кровать. Когда я представляла Михаила в ней, то ни одна картина не сочеталась с его образом. Не подходили дорогие, именитые. Ничего... И тут однажды, прохаживаясь по маленьким улицам одного французского городка, я случайно забрела в не туристическую часть города. Проходя мимо старых низких домов, я услышала чудесную музыку. Это не было классическим произведением. Нежные звуки какого-то незнакомого мне инструмента, похожего на флейту, разливались по пространству, проникали под кожу и, обняв мою душу, напоминали о чем-то далеком, любимом и важном, что я или потеряла, или еще не нашла, чего всегда искала и никогда не знала... Я заглянула в полуоткрытую дверь и увидела мастерскую художника. Он стоял перед огромной картиной, почти законченной. И я, пораженная, замерла на пороге мастерской. На картине не было сюжета. Это были потоки музыки, той что я сейчас слышала. Меня поразило, как можно

нарисовать музыку, и еще такую... божественную... Наверное, я плакала. Художник, увлеченный работой, не видел меня. Я очнулась и обратилась к нему:

– Месье, простите меня за вторжение, но я поражена тем, что сейчас вижу...

Художник никак не реагировал на мой голос и продолжал увлеченно рисовать. Я смутилась. Потом, набравшись решимости, более громко позвала его.

– Он вас не слышит, – раздалось у меня за спиной.

Я вздрогнула и оглянулась.

Пожилая дама с красивым, строгим лицом и прямой спиной смотрела на меня.

– Простите, мадам, – начала я, чувствуя себя маленькой нашкодившей девочкой, стоящей перед грозной учительницей. – Я случайно проходила мимо, услышала музыку и заглянула... Дверь была чуть приоткрыта! Простите! Но я хотела узнать, продается ли эта картина?

Я оглянулась на художника и на поразивший меня холст. Художник, не обращая внимания на меня, на нашу беседу с мадам, продолжал творить...

– Его картины обычно не продаются... – сказала мадам.

Я удивилась ее ответу. Мой французский не был очень хорошим, и я переспросила еще раз.

– Могу я обратиться к художнику и выразить свой восторг?

– Он вас не услышит... – холодно ответила дама.

Я оглянулась на художника и подошла ближе к нему, чтобы обратить на себя внимание. Но он по-прежнему меня не замечал, хоть я вплотную приблизилась к нему. Музыка внезапно оборвалась, и в этот же самый миг художник обмяк, словно дух вышел из него, тяжело опустившись на стул, стоявший позади него.

Я бросилась к мастеру, и он вздрогнул от моих прикосновений. Художник поднял на меня голову, и я увидела, что вместо зрачков у него просто белая прозрачная бездна. Я в ужасе отпрянула от него.

– Он вас не видит, – ледяным голосом пояснила дама.

– Как? Как же так? – оглянулась я на нее. – Но он рисует!

Мадам тяжело взглянула на меня, пристально рассматривая, и вновь заговорила:

– Не знаю, поймете ли вы, мадам, мало кто верит. Но мой сын не видит людей и предметы, не слышит звуки обычной жизни. Они называют его слепым и глухим, – она брезгливо ухмыльнулась. – Но он слышит звуки музыки и звезд ... Он видит цвета всего живого и рисует красками, что я делаю сама. Из натуральных материалов. Вряд ли вы поймете, никто не понимает...

Я смотрела на картину, на художника, словно спящего на стуле, и ответила женщине:

– Я, кажется, понимаю... Однажды я видела музыку. И когда я вижу настоящее произведение искусства, я могу смотреть на него с закрытыми глазами. Я вижу его свет, потоки

вибраций, исходящие от него. Они очень слабые, и я быстро их теряю... Но в такие редкие моменты я чувствую, как крылья ангела касаются меня, словно сам Бог шепчет что-то очень важное мне в душу... Но я не слышу его...

Женщина очень внимательно смотрела на меня и молчала.

Я тоже не знала, что сказать. Глупо было уже предлагать деньги..

– Мадам, я не знаю, как мне говорить о деньгах... То, что я вижу, невозможно оценить в евро. Но я знаю, что мне нужна эта картина... Простите, мадам.

– Мой сын никогда не продавал картины. Душа не продается...

Я готова была расплакаться... Я знала, что не могу без нее уйти!

Вдруг я почувствовала прикосновение сухой теплой руки к моей руке. Художник очнулся. Привстал со стула, не отпуская мою руку, он подошел близко ко мне. Он словно всматривался в меня своими бездонными светлыми глазами без зрачков. Мне было по-настоящему жутко. Но слепой художник, не мигая, пристально смотрел прямо мне в душу. Потом отвернулся в сторону матери:

– Она должна ее взять... И должна ее отдать...

Я ничего не поняла! Я могу ее взять и тут же отдать! Да я никогда в жизни не смогла бы расстаться с этой картиной!

– Вы можете забрать ее сейчас. – Лицо женщины стало

добрее, голос звучал мягче:

– Но вы должны отдать ее.

– Кому? – чуть не плакала я.

– Вы сами поймете... – женщина подошла к картине. Сняла ее с подрамника и отдала мне.

– Идите...

Я схватила тяжелую картину и выскочила из мастерской. Что я чувствовала? Радость, обиду, смятение...

Уже находясь в шале, я поставила картину у камина и каждый вечер смотрела на нее. И вдруг я однажды я поняла. Я схватила картину и подняла ее в спальню. Его спальню. Она словно была рождена для этого места.

– Не понравится – заберу назад, – ворчала я про себя. Я чувствовала, что нельзя нарушать правила, – я должна была отдать эту картину. Но то, что ее могут мне вернуть обратно... Об этом ничего сказано не было! Удовлетворенная своей смекалкой, я больше не волновалась о картине и только время от времени заходила в комнату напиться ею.

Теперь, стоя вместе с Михаилом в его спальне, я ждала приговора. Если ему понравится картина – я не переживу. Если он скажет, что это чушь – я предложу сразу забрать ее, она ничего не стоит для него. Сердце стучало так, что, наверное, Михаил мог его услышать во вдруг наступившей полной тишине дома.

Он молчал. Я тоже.

Он молчал и смотрел на картину. Я готова была упасть в

обморок.

Он молчал и смотрел на меня. Я смотрела на него....

Мы стояли в тишине, смотрели друг на друга, и в этот самый момент я услышала его мысли, а он мои... и поняли, что мы должны быть вместе.

Это была такая ясная, чистая мысль, что было непонятно, как же раньше я дышала без него, и в его глазах я читала то же самое: «Как же я жил без нее?»

Слов больше не было. Они мешали. Мы ничего не слышали, кроме стука наших сердец и нашего общего дыхания. Мы ничего не видели, кроме наших глаз, смотрящих с любовью друг на друга. Мы словно обрели рай. Наш личный рай – он у меня, и я у него.

Потом была неделя абсолютного счастья. Мы открывали миры друг друга, и все эти миры были как недостающая деталь в пазле. Я нашла в Михаиле то, что неосознанно искала всю жизнь, и он – то, что не мог найти в других женщинах. Мы умели слышать друг друга без слов, и нам было безумно интересно говорить и слушать друг друга. Наши души и наши тела были единым целым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.